

СМЕРТЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

(Отрывок из романа „Россия, кровью умытая“)

В России—революция. Дрогнула матьсыра земля, замутился белый свет.

и капрала, мерли в бараках от тоски, голода, тифа.

Приюты скорби, убежища страданий... Искалеченные, обмороженные, контуженные, отравленные газом—с раздробленными костями и смердящими ранами—метались в бреду на лазаретных койках и операционных столах, где кровь была перемешана с гноем, рыдания с проклятиями, стоны с молитвами за сирот и отчаяние—с разбитыми в дым надеждами.

Безногие, безрукие, безглазые, глухие и немые, обезумевшие и полумертвые обивали пороги казенных канцелярий и благотворительных учреждений, или, выпрашивая милостыню, ползали, ковыляя, катались в колясках по улицам Берлина и Петрограда, Марселя и Константинополя.

* * *

Страна была пьяна горем.

Тень смерти кружила над голодными городами и нищими деревнями. У девок стлался нецелованные груди, мутен и бесплошен ел бабьин сон. Осыпаясь от плача дети засыпали у пустых материнских груди.

А там—на далеких полях—снегами да вьюгами крылась молодость.

В зной и стужу, по пояс в снегу и по горло в грязи—солдаты наступали, солдаты отступали. Жили солдаты в земляных логовах, мерзли в окопах под открытым небом. Осколок снаряда и пуля настигали фронтовика в бою, на отдыхе, во время сна, в отхожем месте. Где то, в стенах штаба, рука генерала рабства—работала военносского стрелкового полка. Сего 5-го января в двенадцать часов по полнучи приказываю силами всего полка атаковать

противника на взверенном вам участке. О результатах операции довести немедленно... И вот, в глухую полноту, по окопам и землянкам перелетывала, передаваемая трепетным шепотом, команда: „приготовь к атаке“. Люди разбирали винтовки, подтягивали отягченные патронташами пояса. Кто торопливо крестился, кто шептал молитву, кто, сказав сцепленные зубы, лил яростную матершину. По узким ходам сообщений полк подтягивался в первую линию окопов и по команде: „С богом, выходи“, люди лезли на бруствера, ползли по изрытому воронками снежному полю. Встречный ливень свинца и вихрь рвущейся стали, подобно градовой туче, обрушились на идущий в атаку полк. Под ногами гудела и стонала земля. В прозрачном свете осмывающихся голубыми каскадами ракет, с искаженными ужасом лицами, ползали, бежали, падали, валились... Горячая пуля чмокнула в переносицу рыбака Остапа Каллайду—и осиротела его белая хатка на берегу моря, под Таганрогом. Упал и захрипел, задергался сормовский слесарь Игнат Лысаченко—хлебнет лиха его жинка с тремя малышами ребятишами в руках. Юный доброволец Петька Какурия, подброшенный разрывом фугаса вместе с комьями мерзлой земли, упал в ров, как обгорелая спичка—то-то будет радости старикам в далеком Барнауле, когда весточка о сыне долетит до них. Тинуся головуво в кошку, да так и остался лежать волжский богатырь Юхан—не махает ему больше топором и не распевать десен в лесу. Рядом с Юханом лег командир роты поручик Анд-

затихали дикие песни, крики и причитания.

И долго еще за деревней, упав на сугроб, вопила старая мать:

— Последнего... Последнего... Ух... Лучше бы я камень родила, он бы дома лежал. Ух, батюшки, Алешенька, цветочек ты мой вишнеградный, Али без тебя у царя и народу то бы не хватило? Ветер хлестал черным подолом юбки, развевал выбившиеся из-под платка седые косы:

— Последнего забрала... Да он и вырасти-то не успел... Последнего... Ух, ух... Сыночки вы мои, головушки бедные...

Но не слышали матерей родные сыны, и лишь из далекой яруги, на вой ее—воем отзывались волки.

По кубанским и донским шляхам, по большакам и проселкам рязанских и владимирских земель, по быстрым речушкам Карелии, по горным тропам Кавказа и Алтая, по глухим таежным дорогам Сибири—кругом на тысячи верст, в жару и мороз, по грязи и в тучах пыли—шли, ехали, плыли, скакали, пробирались на линии железных дорог, в города, на призывные пункты.

.. У облупленной стенки вокзала стоял, потерявший в толпе мать, пятилетний хлоплец в ладном полшубчике и в отцовый, сползавшей на глаза, шапке. Он плакал навзрыд, не переводя дыхания, плакал безутешным плачем и хриплым, надсевшимся голосом тянул:

— Тятенька, миленький. Тятенька, миленький..

Рывнул паровоз и у всех разом оборвались сердца.

Толпа забурлила.

Перевязку буфера и эшелон медленно двинулся.

С новой силой пыхнули бабьи визги. Крики отчаяния слились в один сплошной вопль, от которого, казалось, земля готова была расколоться.

Хлопец в полшубчике плакал все горше и горше. Левою рукой он забивал па-

давшую на глаза отцову шапку, а правую—с захватом в кулаке, растаявшим сахарным пряником—протыгивал и замелькавшим мимо вагонам и, как под ножом, все кричал да кричал:

— Тятенька миленький..

Тятенька миленький... Колеса отступали версту за верстой, перегая за перегоем.

На Ригу, Полоцк, Киев и Тирасполь, Эривань и Тифлис катала эшелоны.

Тоску по дому, по воле солдаты заливали одолением, политурой и лаком. Плясали на коротких оставках, снимались у привокзальных фотографов, в больших городах—на извозчиках—скакали в бардаки.

В Самаре и Калуге, Вологде и Смоленске, в казачьей станице и в убогой деревенской церкви не умолкало сонное бормотанье полупьяного дьячка.

— Помяни, господь, души усопших рабов твоих, христородавных воинов—Ивана, Семена, Евстафия, Петра, Матвея, Николая, Максима, Евсеея, Тараса, Андрея, Дениса, Тимофея, Ивана, Пантелея, Луку, Иосифа, Павла, Корнея, Григория, Алексея, Фому, Василия, Константина, Ермолая, Никиту, Михаила, Наума, Федора, Дамила, Савватая—помяни, господи, живот свой на поле брани положивших и венец мученический восприявших... Примчания, господи, убиенных в селение праведных, где жет их болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная.. Вечная память.

С православными дьячком согласно переключался лютеранский пастор и католический ксендз, туингусский шаман и магометанский мулла.

Над миром стлалась погребальная песня.

В напоенной кровью земле, уже зрели зерна гнева и мести. Глухо волновался Питер и первые камни уже летели в окна полицейских участков...

Сотрясаемый ураганом войны, шатался мир, от крови пьян.

По морям—океанам мыкалась крейсера и дредоуты, взрыгая гром и огонь. За кораблями кралась подводные лодки и минные заградители, густо засеивая водные пустыни зерна смерти.

Аэропланы и цеппеланы летели на запад и восток, летели на юг и север. С облачных высот рука летчика метала горящие головы в улья людских скопищ, в костром городов.

По пескам Сирии и Мессопотамии, по изрытым траншеями полям Шампани и Вогез ползли танки, сокрушая на своем пути все живое.

От Балтики до Черного моря от Трапезунда до Багдада не умолкала бахали молоты войны.

Воды Рейна и Марны, Дуная и Немана были мутны от крови воюющих народов.

Бельгия, Сербия и Румыния, Галиция и Буковина и турецкая Армения были объемы пламенем горящих деревень и городов. Дороги... По размокшим от крови и слез дорогам шли и ехали войска, артиллерия, обозы, лазареты, беженцы.

Грозен—в багровых бликах—показывался тысяча девять сот шестнадцатый год.

Серп войны пожинал жизни колюся.

Церкви и мечети, кирки и костелы были переполнены плачущими, скорбящими, стонающими, распростертыми ниц.

Катали эшелоны с хлебом, мясом, тухими консервами, гнилыми сапогами, пушками, снарядами... И все это фронт пожарил, изнашивал, рвал, расстреливал.

В клещях голода и холода корчились города, и самому небу неслись стоны деревень, но немолчающе грохотали военные барабаны и гневно рыкали орудия, заглушая писк гибнущих детей, вопли жен и матерей.

Горь гостило и беды свили гнездо в аулах Чечни

и под крышей украинской хаты, в казачьей станице и в хибарках рабочих слободок.

Плакала крестьянка, шагая за плугом по пашне. Плакала горожанка, уронив голову на скорбный лист, на котором против чужого имени горело страшное слово: „убит“. Рыдала фламандская рыбака, с тоской гляючи в море, поглотившее моряка. В таборе беженцев—под телегою—рыдала галичанка над остывающим трупом дитяти. Не угасла, вихрились вопли у призывных пунктов, казарм и на вокзалах Тулона, Курска, Лейпцига, Будапешта.

Над всем миром развевались знамена горя и, как зарево огромного пожара, стоял стон, полыхали надсадные, рвущие душу, крики отчаяния..

И лишь в дворцах раззолоченных—Москвы, Парижа и Вены—сверкала музыка, пламенело пьяное веселье и ликовало разврат.

— Война до победы.

Весенная знать, нувориши и денежные киты дружно сдвигали бокалы с кипящим вином:

— Война до победы.

А там—на полях—огненные метлы, точно мусор, сметали в братские могилы гамбургских грузчиков и шахтеров Донбасса, кочевников Аравии и садоводов с берегов Ганга,

докеров из Ливерпуля и венгерских пастухов, пролетариев разных племен и наречий, добывающих в поте лица хлеб насущный на земле отцов и дедов своих.

Кресты и могилы, могилы и кресты.

Балканы, Курдистан, Карпатские долины, чрево земли польский, форты Вердена и холмы Мааса были туго набиты солдатским мясом.

В шахтах Рура и Кривоножья, в рудниках Сибири и на химических заводах Германии—на самых каторжных рабствах—работала военнопленные. Военнопленные томилась в лагерях за колючей проволокой, кончали расчеты с жизнью под кнутом шцмана

Балашов 6 декабря 1934-35.